

Толкование понятия «ограничения, необходимые в демократическом обществе» в свете статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод

А.К. Соболева

Статья 10 Конвенции гарантирует каждому право свободно высказывать свое мнение, а также получать и распространять информацию и идеи, которое, однако, не является безусловным – часть 2 статьи 10 гласит:

«Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Поскольку осуществление свободы выражения мнения налагает «обязанности и ответственность», пользование данной свободой не является свободным от ограничений, но, как видно из текста статьи 10, Конвенция требует, чтобы вводимые ограничения были «необходимыми в демократическом обществе». Толкование именно этой части вызывает трудности на практике и приводит к жалобам граждан различных стран – членом Совета Европы в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), поскольку наличие в национальном законодательстве норм, ограничивающих свободу выражения мнения в целях, поименованных в Конвенции, воспринимается судами ряда стран как само по себе достаточное свидетельство необходимости этих ограничений.

Вместе с тем, в соответствии с четко выработанной практикой Европейского Суда, эту необходимость следует доказывать применительно к каждому конкретному случаю. Само по себе наличие в ГК РФ или УК РФ тех или иных норм не говорит об их «необходимости в демократическом обществе», оно говорит лишь о том, что вмешательство «основано на законе», но это – лишь первая часть анализа любого дела, связанного с вмешательством в свободу слова и прессы. Далее следует самое трудное: определить необходимость вмешательства:

«Критерий «необходимости в демократическом обществе» требует от Суда установления того, было ли обжалуемое «вмешательство» обусловлено «настоятельной общественной потребностью», было ли оно соразмерным преследуемой правомерной цели, являются ли доводы, приведенные национальными властями в его оправдание, уместными и

достаточными» («Гринберг против России», судебное решение от 21 июля 2005 г., абзац 27).

Этот подход был выработан ранее и применяется во всех решениях по статье 10 Конвенции. См., например, решение ЕСПЧ «Джерусалем против Австрии» от 27 февраля 2001 г., абзац 33:

«Тест на «необходимость в демократическом обществе» требует, чтобы Суд определил, действительно ли «вмешательство» было вызвано «острой общественной потребностью», соответствовало ли это преследуемой законной цели, и были ли причины, указанные органами федеральной власти в его оправдание, уместными и достаточными (см. решение по делу «“Санди Таймс” против Соединенного Королевства» № 1 («The Sunday Times v. The United Kingdom (no. 1)») от 26 апреля 1979 г., Series A № 30, с. 38, п. 62).»

Рассмотрим подробнее, как применяется этот тест на практике.

а) Как определить потребность

Существует ли потребность и какие меры необходимо принять, определяют власти конкретной страны в рамках имеющейся у них «свободы усмотрения» (*margin of appreciation*).¹ Европейский Суд не подменяет национальные власти, а только оценивает, находятся ли решения, принятые национальными судами в рамках данной им свободы усмотрения, в соответствии с требованиями статьи 10.

Проиллюстрируем, как производится такая оценка, на примере дела «Красуля против России»:

«35. Анализируя конкретные обстоятельства дела, Суд будет принимать во внимание следующие элементы: позицию заявителя, позицию человека, против которого была направлена критика, предметное содержание публикации, характеристику, данную спорным высказываниям национальными судами, словесное выражение высказываний заявителя, а также наказание, которое было к нему применено».²

Необходимо обратить внимание на то, что сам по себе ни один из этих пунктов не предрешает решения, все эти пункты необходимо анализировать в совокупности и определять, на чьей стороне — истца или ответчика (обвинения или защиты) — находится перевес.

При анализе *статуса ответчика* (того, кто распространял информацию) следует учитывать, что журналист, редакция, СМИ пользуются большей защитой, чем отдельные физические или юридические лица, поскольку в задачу СМИ входит информирование населения, распространение знаний, поддержание общественной дискуссии по вопросам, представляющим значимость для развития демократии и обеспечения эффективного управления государством.

¹ Иногда встречается другой перевод этого термина — «поле действия властей», «граница оценки».

² Дело «Красуля против России», судебное решение от 22 февраля 2007 г., абзац 35.

В отношении должности и *статуса того, о ком информация была распространена*, следует иметь в виду, что:

«пределы допустимой критики в отношении политиков как таковых шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый должен проявлять большую степень терпимости к пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому его слову и действию. Политические деятели должны выказывать большую степень терпимости, особенно если они сами делают публичные заявления, которые способны вызвать критику. Однако, выходя на арену общественных дискуссий, частные лица и ассоциации также представляют себя на всеобщее обозрение. В деле «Нильсен и Джонсен против Норвегии» Суд счел, что правительственный эксперт г-н Братолм, вовлеченный в спор с г-ном Нильсеном и г-ном Джонсеном, с учетом своей должности, не мог бы приравниваться к политическому деятелю, который должен выказывать большую степень терпимости. Тем не менее Суд счел участие г-на Братолма в общественных дискуссиях достаточным фактором для признания его таковым ([GC], № 23118/93, п. 52, ECHR 1999-VIII).»

В деле «Красуля против России» главный редактор газеты «Новый гражданский мир» был привлечен к ответственности по ч. 3 ст. 129 УК РФ (за клевету, связанную с обвинением в совершении особо тяжкого преступления) за публикацию статьи о губернаторе Ставропольского края под названием «Черногоров подбирается к Ставрополю. Размышления по поводу одного решения городской думы», в которой он назвал губернатора «шумным и амбициозным, но полностью неспособным» управлять регионом, и в которой привел свои размышления о том, почему вдруг городская дума проголосовала за назначение мэра города (вместо ранее существовавшей процедуры его выборов) после посещения данного заседания губернатором и лицами из его окружения. ЕСПЧ отметил, что в данном деле публикация касалась профессионального политика, в отношении которого пределы приемлемой критики шире, чем в случае с частным лицом. «Выступив кандидатом на выборах губернатора, мистер Черногоров взошел на политическую сцену и, неизбежно и сознательно, сделал каждое свое слово и деяние открытым для пристального изучения со стороны журналистов и публики в целом. Следовательно, он должен был проявить большую степень толерантности» (судебное решение от 22 февраля 2007 г., абзац 36).

Суд исходит из того, что политики, общественные деятели, депутаты законодательного собрания, выборные лица имеют возможность доказать свою правоту и отстоять свою точку зрения в СМИ, публичных дискуссиях, лекциях и т.п., то есть для них моральный вред может быть компенсирован не только деньгами. В большинстве случаев Европейский Суд считает, что для защиты их чести и достоинства в случае публикации недостоверных фактов, вызванной добросовестным заблуждением журналиста, достаточно потребовать опубликования опровержения.

Меньше свободы у СМИ и частных лиц в отношении критики стражей порядка, выполняющих свои функции:

«31. Суд, рассматривая факты этого дела, должен был выяснить, соответствовало ли, в данных обстоятельствах, ограничение права господина Яновского на свободу выражения взглядов «насушной общественной необходимости», отвечало ли оно определенной законной цели, и были ли у национальных органов власти основания, оправдывающие это вмешательство, «уместными и достаточными».

32. В связи с этим Суд отметил, что заявитель был признан виновным в нанесении оскорбления муниципальным стражам порядка, которых во время инцидента на площади он назвал «чокнутыми» и «глупцами». Свидетелями этого инцидента были случайные наблюдатели, и возник он в связи с действиями муниципальных стражей порядка, которые требовали, чтобы уличные торговцы перешли с площади на другую улицу (...). Следовательно, замечания, высказанные заявителем, не были частью открытой дискуссии о предметах гражданского интереса; не касались они и проблемы свободы прессы, так как заявитель хотя и журналист по профессии, в данном случае действовал как сугубо частное лицо. Суд также указал, что основанием для признания заявителя виновным были два слова, которые и суд первой инстанции, и апелляционный суд признали оскорбительными, а не тот факт, что он высказал критику в адрес стражей порядка или указал на тот факт, что их действия были незаконными (...).

Исходя из этих обстоятельств, Суд признает необудительными утверждения заявителя о том, что широкие круги общественности рассматривали его осуждение как попытку органов власти возобновить цензуру и отбить всякое желание высказывать критику в будущем» (Яновский против Польши, судебное решение от 21 января 1999 г., абзацы 31–32).

Критика суда и судей еще менее допустима, поскольку она может отрицательно повлиять на авторитет судебной власти и беспристрастность правосудия. Именно поэтому Суд очень пристально анализирует все нюансы дел, которые так или иначе связаны с судебной властью.

В отношении же правительства пределы критики даже шире, чем в отношении политиков, поскольку эффективность государственного управления представляет непосредственный интерес для народа.

При анализе *содержания материала* Европейский Суд учитывает его тему, интерес для общества, значимость для развития демократии и т.п. Содержание материала может служить распространению идей и знаний, привлекать внимание к политическим и общественным проблемам, оценивать эффективность государственного управления, обсуждать расходование бюджетных средств и т.д. Однако под защитой Конвенции не находятся нападки на конкретную личность, которые не имеют никакой информационной ценности и преследуют исключительно цель доставить ей неприятности, опорочить, очернить, оскорбить.

Например, жалоба «*Чернышева против России*» была признана неприемлемой¹. В данном деле гр-ка Чернышева, журналистка, опубликовала статью, в которой критиковала ход и результат разбирательства российским судом гражданского дела по иску к ней жены местного прокурора, считая, что прокурор оказывал своей жене содействие в разрешении данного дела, используя свое служебное положение. Прокурор

¹ Решение от 10 июня 2004 г.

предъявил заявительнице иск о защите чести и достоинства. Заявительница опубликовала другую статью, которая была посвящена как обстоятельству гражданского дела по иску жены прокурора, так и дела по иску самого прокурора к заявительнице. Прокурор предъявил второй иск, аналогичный первому, потом еще несколько. Всего прокурором было предъявлено 6 исков, часть из которых была им впоследствии отозвана. Заявительница подала встречный иск против прокурора, утверждая, что прокурор нарушает право заявительницы на свободу выражения своего мнения.

Российский суд общей юрисдикции объединил все иски в одно дело и вынес решение, удовлетворяющее требования обеих сторон (за исключением требований о взыскании компенсации за причиненный моральный вред). Заявительница подала на решение суда кассационную жалобу, а прокуратура — кассационный протест в интересах прокурора. Суд кассационной инстанции решение отменил и направил дело на новое рассмотрение, по результатам которого иск прокурора был удовлетворен, а встречный иск заявительницы — отклонен.

Европейский Суд проанализировал жалобу, приняв во внимание то, что имело место вмешательство в право заявительницы на свободу выражения, оценил это вмешательство в контексте той свободы усмотрения, которая имеется у государства при определении пределов пользования данной свободой в свете налагаемых на нее законом ограничений, провел различие между фактами и оценками. При этом Суд отметил:

«Требование доказать соответствие действительности оценочных суждений невозможно выполнить, и оно ограничивает саму свободу мнения, которая является фундаментальной частью права, защищаемого статьей 10 (...) Однако даже тогда, когда высказывание признается оценочным суждением, пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточная фактическая основа для оспариваемых высказываний, поскольку даже оценочное суждение без какой-либо фактической основы, его поддерживающей, может быть чрезмерным (см. «Джеурсале́м против Австрии», абзац 43).

(...) Наконец, следует напомнить, что в демократическом обществе люди имеют право комментировать и критиковать отправление правосудия и официальных лиц, в него вовлеченных. Признается, что пределы допустимой критики в отношении гражданских служащих, исполняющих свои обязанности, могут в некоторых случаях быть шире, чем в отношении частных лиц. Однако нельзя сказать, что гражданские служащие сознательно поставили под пристальное внимание каждое свое слово и деяние в той же степени, что и политики, и что они должны, соответственно, рассматриваться наравне с ними, когда идет речь о критике их действий. Более того, гражданские служащие должны пользоваться доверием общества в условиях, свободных от произвольных перестановок, если от них требуется успешное выполнение ими своих функций, и, следовательно, может стать необходимой их защита от одиозных, оскорбительных или диффамационных атак в период исполнения ими своих обязанностей. Прокуроры являются гражданскими служащими, в задачу которых входит содействие надлежащему отправлению правосудия. В этом отношении

они составляют часть механизма судебной системы в широком смысле этого термина. Все заинтересованы в том, чтобы они, как и работники судов, пользовались доверием общества. Следовательно, у государства может быть необходимость защитить их от необоснованных обвинений (см. «Лешик против Словакии», абзацы 53–54). («Чернышева против России», абзацы В (ii) – В (iv)).

Европейский Суд отметил, что в оспариваемых публикациях речь шла о споре между частными лицами – заявительницей и женой прокурора, и что у читателя создавалось впечатление, будто бы прокурор вмешивался в ход судебного разбирательства, оказывая содействие своей жене. Гражданка Чернышева писала в статье о своем личном деле, никого не цитировала и не использовала иные источники информации. Поскольку ч. 2 ст. 10 налагает «обязанности и ответственность» на журналистов, следует помнить об этом, когда спор идет о нападках на конкретную личность. В данном деле Суд не посчитал необходимым анализировать содержание публикации с точки зрения того, были ли изложены в ней факты или оценочные суждения, поскольку обвинения гр-ки Чернышевой носили голословный характер, и она не предприняла никаких попыток показать их обоснованность. Российские суды признали ее утверждения не соответствующими действительности. Никаких доказательств того, что прокурор вмешивался в ход судебного разбирательства между своей женой и гр-кой Чернышевой, не имелось. Публикации с обвинениями в его адрес повторялись неоднократно. «Принимая во внимание все это и ранее сделанные заключения об отсутствии хотя бы какой-то фактической основы, Суд считает, что высказывания заявительницы были не добросовестным комментарием по поводу отправления правосудия, а пристрастным личным выпадом против профессиональной репутации прокурора» («Чернышева против России», абзац В (iv)). Соответственно, Суд признал, что существовала «довлеющая социальная потребность» в том, чтобы предотвратить небрежное использование таких серьезных обвинений.

В деле *«Шабанов и Трень против России»* Суд признал, что не было нарушено право журналиста К. на свободу выражения мнения, который опубликовал информацию о представленной суду командиром подразделения гр-ном К. справке от психиатра, подтверждающей нанесенный ему моральный вред, выразившийся в расстройстве нервной системы, связанной с первой публикацией того же автора. Европейский Суд исходил из того, что военный представил данную справку в силу обстоятельств (как доказательство в суде), исключительно для определенной цели и не предполагал ее дальнейшего разглашения. Кроме того, информация о справке была опубликована до судебного процесса. Суд не усмотрел в распространении фактов медицинского характера, носящих частный характер, какой-либо внятной общественной цели и пришел к выводу, что целью были исключительно нападки на командира К.

В этом же деле не было нарушено право журналистов, которых российские суды обязали выплатить компенсацию морального вреда сотруднице правового департамента местного совета, про которую написали в

газете, что она якобы необоснованно получает зарплату, не соответствующую ее возрасту и образованию, поскольку только что закончила педагогический колледж. Г-жа П., между тем, имела законченное высшее юридическое образование, но данный факт журналисты не удосужились проверить. Они утверждали, что не могут нести ответственность, так как факты об окончании педагогического колледжа и о возрасте г-жи С. соответствуют действительности. Европейский Суд на это заметил:

«Целью норм права о диффамации является защита личности от лжи, направленной на подрыв ее репутации. Ложь может быть распространена как через изложение фактов, не соответствующих действительности, так и посредством умалчивания существующих фактов, которые, если бы их изложили, могли бы существенно изменить восприятие материала. Заявители в данном деле понесли ответственность за то, что не проинформировали читателей о наличии у г-жи П. юридического образования. Соответственно, Суд считает, что вмешательство «было предписано законом» (дело «Шабанов и Трень против России», судебное решение от 14 марта 2007 г., абзац 40).

Что же касается «необходимости в демократическом обществе», то Суд отметил, что журналисты должны представлять «надежную и точную информацию» в соответствии с принципами журналистской этики. И хотя обсуждение вопроса о жалованье гражданских служащих представляет собой общественный интерес, факты было необходимо проверить. Содержание статьи говорит о том, что в данном деле целью статьи был не столько добросовестный комментарий на тему, представляющую интерес для общества, сколько личностный выпад для подрыва репутации сотрудницы департамента П. Суды РФ правильно оценили все аргументы сторон и привели достаточные и уместные для данного дела доводы в обоснование своих решений.

Не находятся под охраной Конвенции также высказывания, мнения и идеи, отрицающие Холокост, оправдывающие нацизм и неонацизм, содержащие утверждения о якобы имевшем место преследовании евреями поляков, огульные обвинения всех мусульман в терроризме, а также содержащие призывы к насилию. Эта позиция была выражена в ряде решений против Германии, Франции, Соединенного Королевства, Польши (*Lehideux and Isorni v. France*, 1998; *Garaudy v. France*, 2003; *W. P. and Others v. Poland*, 2004; *Norwood v. the United Kingdom*, 2004; *Witzsch v. Germany*, 2005).

В деле «*Павел Иванов против России*» (№ 35222/04, решение от 20 февраля 2007 г.) ЕСПЧ не нашел нарушений, так как ограничения, наложенные на свободу слова заявителя, были законными, пропорциональными и необходимыми в демократическом обществе. Учредитель, собственник и редактор газеты «Русское вече» П. Иванов был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 282 УК РФ за разжигание этнической, расовой и религиозной розни и присужден к уплате штрафа 10 000 рублей. Опубликованные им статьи содержали призывы к исключению евреев из общественной жизни, поскольку они якобы являются источником всех зол в России, не являются нацией и не могут в силу этого иметь национального достоинства. Гр-н Иванов обвинил всех ев-

реев как этнос в заговоре против России, а их лидерам приписал «сионно-фашистскую» идеологию. При рассмотрении вопросов права Европейский Суд отметил, что в его задачу «не входит определять, какого рода доказательства требуются по российскому праву для установления состава преступления в случае разжигания расовой ненависти». Его задача — оценить в свете статьи 10 решения, которые выносят в рамках предоставленной им «свободы усмотрения» национальные суды. «Речь, которая несовместима с ценностями, провозглашенными и гарантированными в Конвенции, должна быть выведена из-под защиты статьи 10 в силу статьи 17 Конвенции, которая гласит:

«Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что... какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусмотрено в Конвенции».

«Суд не имеет сомнений в том, что взгляды заявителя носят явно выраженное антисемитское звучание, и соглашается с выводом национальных судов, что заявитель своими публикациями стремился вызвать ненависть к евреям. Столь широкая и неистовая атака на одну этническую группу находится в противоречии с ценностями, лежащими в основе Конвенции, такими как толерантность, социальный мир и недискриминация». Следовательно, по мнению ЕСПЧ, заявитель не может воспользоваться защитой, предоставляемой статьей 10 Конвенции.

При анализе словесного выражения высказывания следует проводить различие между фактом, с одной стороны, и оценкой, мнением, гиперболой, с другой стороны. Факт — это то, что может быть доказано либо опровергнуто. Мнение и суждение ни доказать, ни опровергнуть невозможно. В то же время в российских судах журналистов просили доказать соответствие действительности таких «фактов», как «ни стыда, ни совести» (Гринберг против России), «безобразия усилились» (Романенко против России¹), «по-моему, губернатор, который дает такой совет, — ненормальный» (Чемодуров против России).

Следует также иметь в виду, что мнения и суждения могут быть выражены не только в корректной и доброжелательной, но и в шокирующей, нелицеприятной, отталкивающей форме. Однако они не должны носить характера брани, оскорбления, унижения, которые не несут никакой информационной ценности и служат лишь желанию причинить боль, страдания, унижение или каким-то иным образом беспричинно и незаслуженно задеть человека (о чем говорилось выше применительно к содержанию публикации).

Европейский Суд обращает внимание на то, что и оценки должны быть основаны хотя бы на каких-то фактических данных и не могут быть голословными. См., например, в деле «Джерусалем против Австрии»:

¹ На момент написания доклада по данной жалобе Европейским Судом вынесено решение о приемлемости, но по существу дело еще не рассматривалось.

«Однако (...) даже в случае, когда суждение сводится к субъективной оценке, пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточное фактическое основание для опровергаемого утверждения, поскольку даже субъективная оценка, не имеющая под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерной (решение по делу «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии» («De Haes and Gijssels v. Belgium») от 24 февраля 1997 г., Отчеты о решениях и вердиктах 1997 год – I, с. 236, п. 47; решение по делу «Обершлик против Австрии № 2» («Oberschlick v. Austria (no. 2)») от 1 июля 1997 г., Отчеты 1997-IV, с. 1276, п. 33)».

Хотя стандарт подтверждения фактической основы высказанного мнения в делах о диффамации ниже, чем стандарт доказывания виновности в уголовном процессе, и в делах о диффамации должны быть хотя бы какие-то материалы, позволяющие суду сделать вывод о том, что журналист дал добросовестный комментарий и имел хотя бы слабую фактическую основу для своих выводов.

ЕСПЧ обязательно учитывает то, было ли проведено ли различие между фактом и оценкой национальными судами. Европейский Суд привлекает внимание к тому, что в решениях российских судов этот момент, даже если и упоминается, не анализируется с надлежащей тщательностью. Мотивировка судебных решений по жалобам, поступившим в ЕСПЧ, как правило, не содержит рассуждений о том, почему то или иное высказывание было расценено как изложение факта, а не мнения. В этом плане интересна позиция Ульяновского областного суда, которое послужило поводом для обращения заявителя в ЕСПЧ по делу «Гринберг против России». В частности, Ульяновский областной суд поддержал доводы первой инстанции, при этом заметив: «Доводы... о том, что суд не разграничил термины «мнения» и «сведения», не могут быть приняты во внимание, потому что мнение [Заявителя] было напечатано в средстве массовой информации, и с момента публикации оно стало сведениями». Европейский Суд не согласился с такой трактовкой.

И, наконец, *Европейский Суд учитывает примененную санкцию* – было ли это уголовное наказание, штраф, требование опровержения и т.д. При этом само по себе наличие уголовной ответственности за злоупотребления, связанные со свободой слова, не является нарушением статьи 10. Например, введение уголовной ответственности признано вполне адекватным по делам, связанным с разжиганием вражды и розни, призывами к насилию, пропагандой идей нацизма и антисемитизма. Однако непропорциональной будет признана уголовная ответственность за клевету в адрес государственного лица или политического деятеля, если недостоверная порочащая информация являлась добросовестным заблуждением или результатом ошибки, а не умысла или небрежности. Непропорциональным будет признано уголовное наказание в виде лишения свободы за критические высказывания, а также назначение штрафов или компенсации морального вреда в размере, приводящем

к банкротству СМИ. В каждом конкретном случае будет учитываться также материальное положение истца и ответчика.

b) Как определить правомерную цель и соразмерность

Ограничение права на свободу слова возможно лишь ради одной из целей, перечисленных в части 2 статьи 10 Конвенции, а именно в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

c) Как определить достаточность и уместность мер

В решении национального суда обязательно должна быть аргументация, почему суд в данном конкретном деле отдает приоритет защите чести и достоинства или иному охраняемому Конвенцией законному интересу, а не свободе выражения мнения.

В конце обзора хотелось бы также заметить, что отказ национального суда рассмотреть представленные сторонами экспертизы или документы либо выслушать свидетелей воспринимается Европейским Судом как нарушение статьи 6 Конвенции — право на доступ к правосудию, поэтому в судебном решении должен быть анализ экспертных заключений, если стороны ходатайствовали об их приобщении к делу.

Проиллюстрируем использование описанного алгоритма разрешения дела примерами из практики ЕСПЧ по российским делам.

В деле *«Захаров против России»* (судебное решение от 5 января 2007 г.) заявитель послал жалобу заместителю губернатора Московской области, в которой написал о захвате земельного участка, прилегающего к улице в Икше и относящегося к землям общего назначения, неким частным лицом, что стало возможным, по мнению заявителя, только при согласии и содействии главы городского совета Икши. В своей жалобе г-н Захаров написал, что такое вызывающее поведение назначенной (а не избранной!) главы городского совета г-жи А., которая действует не в интересах жителей города, дискредитирует власть. Г-жа А. обратилась в гражданский суд с иском о защите чести и достоинства, потребовав от Захарова опровержения информации, содержащейся в его письменной жалобе, и выплаты компенсации за моральный ущерб. В конечном итоге суды не поддержали требование об опровержении, но удовлетворили исковые требования в части выплаты компенсации, поскольку Захаров не смог доказать в суде соответствие изложенных в жалобе сведений действительности.

Прочитируем некоторые выдержки из решения Европейского Суда, которые иллюстрируют ход рассуждения при выработке решения:

«22. Суд отмечает, что исковое требование о защите от диффамации родилось из переписки заявителя с государственными властями, а не из публикации в СМИ. (...) Письмо было отправлено в частном порядке, заявитель не публиковал и не делал каким-либо иным образом доступными для внешнего мира свои обвинения, наоборот, он действовал в рамках, установленных законом для подачи жалоб. Он высказал свое недовольство исключительно непосредственному начальнику того чиновника, на которого жаловался. Неясно, как глава городского совета, который выступил истцом по иску о диффамации, получил копию письма заявителя».

Далее Европейский Суд пишет, что ранее в ряде дел Суд уже отмечал, что может существовать необходимость защитить публичных служащих от оскорбительных, обидных и диффамационных нападок, которые рассчитаны исключительно на то, чтобы как-то задеть их в период исполнения ими своих обязанностей, подорвать доверие граждан к ним и к тем органам, в которых они работают (см., например, «Яновский против Польши», 1999 г. абзац 33; «Лешник против Словакии», судебное решение от 11 марта 2003 г., абзац 53). Но в данном деле заявитель не выступал в прессе и не участвовал в открытой дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес. Следовательно, речь идет о праве заявителя сообщать о недостатках в работе отдельных чиновников в вышестоящие органы, уполномоченные рассматривать такие жалобы. В деле «Лешник против Словакии», в котором заявитель был привлечен к уголовной ответственности за выдвигание обвинений против государственного обвинителя (прокурора) в письме, направленном его начальнику, Европейский Суд не нашел нарушения статьи 10 Конвенции. Однако в деле Захарова Европейский Суд указал, что оно отличается от дела Лешника по следующим причинам. Во-первых, в деле Лешника критика в оскорбительной форме была направлена против обвинителя, что может быть расценено как подрыв авторитета судебной власти, толкуемой в широком смысле. В деле же Захарова критика была направлена против главы законодательного собрания, который ближе по статусу к профессиональному политику, чем к судье, и который, следовательно, должен быть более толерантен к критике. В деле *Busuioc v. Moldova* (21 декабря 2004 г.) Суд уже отмечал, что та степень защиты, которой пользуются полицейские и сотрудники правоохранительных органов, не может быть распространена на всех государственных служащих. Во-вторых, в деле Лешника критика просочилась в газеты, а в деле Захарова осталась исключительно между ним и старшим по иерархии начальником критикуемого.

Суд далее отметил: «В условиях данного дела тот факт, что заявитель направил свою жалобу в личном письме государственному служащему, в компетенции которого находилось ее рассмотрение, имеет решающее значение для оценки пропорциональности вмешательства. Наличие возможности для граждан ставить в известность компетентных государственных должностных лиц о таком поведении государственных служащих, которое представляется им неправильным или незаконным, является одной из важнейших составляющих верховенства права» («За-

харов против России», абзац 26). Следовательно, не было «довлеющей социальной потребности» в том, чтобы предпочтение в данном деле отдавать чиновнику, а не гражданину Захарову. Европейский Суд учел также и то, что язык жалобы был достаточно нейтральным и не содержал оскорбительных выпадов, а сами обвинения носили характер оценочного суждения, а не факта. Суд также в очередной раз (абзац 29 решения «Захаров против России», см. также решение «Гринберг против России» от 21 июля 2005 г., абзац 29) упомянул, что российское законодательство о защите чести и достоинства не проводит различия между фактами и мнениями, оперируя лишь термином «сведения», и исходит из того, что любые «сведения» могут быть либо доказаны, либо опровергнуты. Именно это в очередной раз не позволило судам Российской Федерации провести анализ между фактом и оценкой, в то время как слова типа «асоциальное поведение», «возмутительный поступок» явно являются оценочными суждениями. В силу этого в деле «Захаров против России» было найдено нарушение статьи 10 Конвенции.